

Теоретизация Внешней Политики Китая: Концептуальные Положения в Историческом Континууме¹

Камала ВАЛИЕВА² и Угур Ясин АСАЛ³

Аннотация

Одним из основных детерминантов, определяющих внешнеполитическое видение и поведение Китая, а также идейное строение китайского самовосприятия является фактор истории. Внешняя политика Китая и его стратегия подъема характеризуются совокупностью исторической преемственности и изменений в континууме. В данной статье была предпринята попытка обосновать идею о том, что внешнеполитическая идентичность и поведение Китая, как возвышающейся или по выражению Генри Киссинджера, возвращающейся силы, определяется его историческим прошлым. Как внутриполитический нарратив, так и внешнеполитическая стратегия глобального возвышения Китая, существующего и развивающегося «в тени своего прошлого», содержит множество ссылок на исторический опыт китайской нации, наиболее полно проецированных в концепции председателя КНР Си Цзиньпина «китайской мечты», осуществление которой, как представляется, должно привести к «великому национальному возрождению» страны и нации. Изложив в ретроспективном порядке процесс развития внешнеполитических подходов Китая с периода учреждения КНР вплоть до сегодняшнего дня, статья предприняла попытку резюмировать существующие концептуальные подходы к теоретизации внешней политики и феномена глобального возвышения Китая, акцентируя внимание на дихотомии ревизионизма и приверженности статус-кво в отношении структуры мировой системы и разделяя существующие теоретические разработки на две категории: конвенциональное и эклектичное теоретизирование. Подчеркивается, что глобальное присутствие Китая и его подъем в контексте воздействия на структуру и принципы существующего международного порядка рассматриваются в диапазоне восприятий Китая как «угроза» и как «возможность».

Ключевые Слова: Внешняя Политика Китая, Исторический Континуум, Теории Международных Отношений, Глобальное Возвышение

Theorizing Chinese Foreign Policy: Conceptual Tenets in Historical Continuum

Abstract

One of the main determinants that indelibly influence China's foreign policy vision and behavior, as well as the ideational structure of Chinese self-perception is the factor of history. China's foreign policy and its strategy of global rise are characterized by a combination of constancy and change in a continuum. This paper attempted to substantiate the idea that as a rising power or as Henry Kissinger put it a returning power China's foreign policy identity and behavior are determined by its historical past. China exists and evolves in the shadow of its past experiences. Both the domestic political narrative and the foreign policy strategy of a rising China contain numerous references to the historical experience of the Chinese nation. This appeal to history is most fully projected in Xi Jinping's "Chinese Dream" concept, the realization of which is supposed to accelerate the "great rejuvenation of the Chinese nation". By outlining the evolution of China's foreign policy approaches in a retrospective manner this paper summarizes the existing conceptual accounts of Chinese foreign policy and the phenomenon of China's global rise. In doing so the paper differentiates existing theoretical approaches into two categories of conventional and eclectic theorizing with a specific focus on the dichotomy of "revisionism" and "adherence to the status quo" in relation to the existing structure and principles of the international system.

Key Words: Foreign Policy, China, Historical Continuum, International Relations Theories, Global Rise

Atıf İin / Please Cite As:

Valiyeva, K. ve Asal, U. Y. (2021). Теоретизация внешней политики Китая: Концептуальные положения в историческом континууме. *Manas Sosyal Arařtırmalar Dergisi*, 10(2), 1389-1408.

Geliř Tarihi / Received Date: 04.02.2021

Kabul Tarihi / Accepted Date: 25.02.2021

¹ Данная статья является частью исследовательского проекта под названием «Глобальный Подъем Китая и Его Влияние на Центральнoазиатские Туркские Республики: Многомерное и Междисциплинарное Исследование», выполняемого при поддержке Факультета Политологии и Международных Отношений Стамбульского Коммерческого Университета и Программы Поддержки Научных и Технологических Исследовательских Проектов при Стамбульском Коммерческом Университете.

² Dr. Kamala VALİYEVA - İstanbul Ticaret Üniversitesi, Rektörlük Proje Yönetimi Ofisi, kamala.valiyeva@istanbulticaret.edu.tr

 ORCID: 0000-0002-7551-8555

³ Dr. Uğur Yasin ASAL - İstanbul Ticaret Üniversitesi Siyaset Bilimi ve Uluslararası İliřkiler Bölümü, uyasal@ticaret.edu.tr

 ORCID: 0000-0003-1567-9186

Введение

С окончанием холодной войны и распадом биполярной системы международных отношений Китайская Народная Республика (КНР) стала наиболее важной возвышающейся силой, сумевшей переместиться с периферии в центр международной системы. Растущее присутствие и влияние Китая отчетливо ощущается во всей динамике изменения международных отношений и почти на всех континентах Земли. В настоящее время исследования международных отношений, в течение последних тридцати лет сфокусировавшие свое внимание на измерение степени и механизмов влияния мира на Китай, перевели свой исследовательский акцент на понимание того, как Китай влияет на мир, и осмысление феномена глобального возвышения Китая (Shambaugh, 2013, 4). Однако для поиска и постижения основ глобального подъема Китая и вместе с тем сущности внешнеполитического подхода страны следует исходить не только из текущего процесса международных отношений, а прибегнуть к ретроспективному анализу китайской внешней политики в свете элементов переменчивости и континуума, свойственных выдвинутым на различных исторических этапах внешнеполитическим доктринам и концептуальным положениям.

С момента провозглашения КНР в 1949 году китайская внешняя политика претерпела существенные трансформации под воздействием внешних и внутренних факторов. В рамках этой трансформации внешнеполитическая ориентация и подходы Китая также подверглись неоднократному пересмотру. Другими словами, в пределах каждого периода исторической эволюции внешней политики Китая стратегический подход и его концептуальное оформление, внешнеполитические приоритеты и видение миропорядка менялись в зависимости как от внутренних, так и внешних (глобальных и региональных) перемен.

В данной статье, нацеленной на рассмотрение исторического процесса изменения внешнеполитического подхода Китая, обсуждаются периоды указанного процесса трансформации, основные положения и особенности внешнеполитических доктрин, разработанных в пределах каждого этапа, а также проекция основных идей и принципов на текущий процесс возвышения Китая с глубокими региональными и глобальными последствиями. Основная идея, выдвигаемая авторами статьи, заключается в том, что внешнеполитическая идентичность и поведение Китая, а также вся конструкция его внешней активности осуществляется и развивается под воздействием исторического прошлого. Исторический опыт, метафорически определенный как «тень прошлого» или «тирания прошлого» (Jenner, 1995; Fairbank, 1968), как наиболее существенный детерминант сущности китайского видения мира и своего места в нем, образует фундамент предпринимаемой в статье попытки ретроспективного анализа внешней политики Китая. Наиболее наглядным проявлением фактора истории в теоретизации внешней политики Китая и его стратегии возвышения является ссылка на исторический опыт «столетия унижения» как во внешнеполитической доктрине в целом, так и в концепции «китайской мечты», на которой зиждется стратеги подъема и осуществление которой должно привести к «великому национальному возрождению».

В теоретико-методологическом плане учитывая недостаточность и ограниченность объяснительного потенциала традиционных теорий международных отношений в поисках подходящей концептуальной основы для осмысления китайской внешней политики и глобального подъема статья опирается на утверждение о необходимости в синтезирующих разработках, межпарадигмальных и эклектических подходах. В этом отношении теоретизация внешней политики Китая производится как в рамках конвенциональных теорий международных отношений (неореализм, неолиберализм, конструктивизм), так и эклектических проходов (теория перехода власти, теория английской школы международных отношений (либеральный реализм) и неоклассический реализм), которые могут инициировать новые дискуссии о сущности власти и ее трансформации.

Китайская Внешняя Политика: История, Идеи и Принципы

Период до Коммунистической Революции

С точки зрения анализа истории китайской государственности и внешней политики период между Первой опиумной войной (1840-1842), по итогам которой западные державы-победители получили существенные торговые привилегии, и провозглашением КНР в 1949 году с консолидацией у власти Коммунистической партии Китая (КПК) имеет важнейшее значение для

полного понимания сущности китайской внешней политики и феномена китайского возвышения, наблюдаемого в наши дни (Zhu, 2013, 119).

В этом историческом процессе наиболее устойчивой константой является китайское само и мировосприятие. Так, в центре китайского государственного самовосприятия находилось представление о себе, как о «благословенной небесами царстве», а также величайшей державе и цивилизации мира. Соответственно, в классическом китайском мировидении географическая область, охватываемая Китаем, именовалась «Поднебесной империей», изображаемой в качестве центра мира. Китай, как конкретизация этого представления, в этой конструкции именовался «Срединной страной» (Хуэтонг, 2013, 216-221; Бычкова, 2014, 54). В этом отношении Китайская империя занимала центральный пояс трех равноудаленных концентрических кругов. Второй пояс, опоясывающий Срединное царство, образовывали колонии и зависимые государства (такие как Япония, Корея и Вьетнам), которые воспринимались как подчиненные составляющие в иерархии конфуцианского мира. Народы и иноземные страны, удаленные от этих двух поясов и не ведавшие о китайской цивилизации, назывались варварами и могли строить с Китаем только неравноправные отношения вассального характера (Miller, 2017, 21). К XIX веку Китайская империя обладала огромной мощью, сравнимой с доминирующими державами той эпохи как с точки зрения демографического потенциала, так и в плане процветающей экономики и растущего богатства. В контексте азиатского континента это превосходство было особенно очевидным, так как располагающий широким господством над сушей и морем Китай обладал потенциалом конструирования регионального порядка, в том числе цивилизационного.

Середина XIX века – это переломный период для китайской государственности, который ознаменовал как кульминацию могущества Китайской империи, которая постоянно расширялась и распространяла свое влияние на близлежащие регионы, так и начало упадка этого могущества, продолжавшегося вплоть до середины XX века и вошедшего в китайскую историографию как «столетие унижения» (Garver, 2016). Так, Китай во время правления династии Цин, расширяя свое имперское присутствие в северном и западном направлении присоединил Тибет, Монголию и большую часть Центральной Азии (Восточный Туркестан или в нынешнем понимании Синьцзян, что означает «новая граница»). Тесные связи Китайской империи с близлежащими государствами Юго-Восточной Азии от Бирмы до Корейского полуострова опирались на так называемую «систему дани»⁴, предполагающее доминирующее превосходство Китая над «некитайскими» элементами регионального порядка (иерархии). Эта совокупность дипломатических и торговых отношений, которая символически предполагала подчинение китайскому императору, имела историческое значение, особенно с точки зрения торговли, так как представляла собой набор институтов, правил и дипломатических норм, которые регулировали отношения Китая с внешним миром до краха империи в конце XIX века (Zhang, 2009).

Но к середине XIX века этот региональный порядок, основанный на центральном положении и влиянии Китайской империи, начал разрушаться. Опиумные войны между Великобританией и Китайской империей положили конец системе дани, а с подписанием Нанкинского договора в 1842 году в международных отношениях Китая начался «период неравноправных соглашений».⁵ В ряде соглашений, подписанных между Китаем и различными западными державами, Россией и Японией в период после военного поражения, содержались односторонние условия, требовавшие отказ Китая от своей территории, выплату компенсации державам-победителям, открытие своих портов для иностранных держав и предоставление им неограниченных торговых привилегий.

⁴ Идеи, лежащие в основе происхождения, структуры и функционирования «системы дани», опираются на ценности и верования древнего Китая. В этом смысле утверждается, что начиная с династии Хань (206 г. до н. э. - 220 г. н. э.) Китай разработал систему даннического отношения для регулирования торговли и дипломатии со своими соседями. Будучи неоднобразной и меняющейся конструкцией на протяжении всей истории Китая, система дани тем не менее составляла основу Китая-центричного порядка в Юго-Восточной Азии. Для дополнительной информации см.: Fairbank, J. K. (Ed.) (1968). *The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations*. Cambridge: Harvard University Press; Kang, D. (2010). *East Asia before the West: Five Centuries of Trade and Tribute*. New York: Columbia University Press.

⁵ «Период неравноправных соглашений», который к началу XX века привел к росту китайского национализма и анти-империализма и использовался для характеристики потери суверенитета, стал, пожалуй, единственной точкой соприкосновения двух противоборствующих политических сил на тот период – Китайской Националистической Партии (Гоминьдан) и Коммунистической Партии Китая. Сегодня к данному термину часто обращаются также в сочетании с нарративом «века унижения», в качестве наглядного отображения негативных последствий потери бывшего могущества и вечной угрозы, исходящей от иностранных держав.

Помимо борьбы с внешними силами, с 1850 по 1864 годы Китай также стал ареной кровавой гражданской войны, известной в истории как Тайпинское восстание (Грачиков, 2015, 141).

Таким образом, в результате этих двух исторических событий ослабевавшая власть Китайской империи стала очевидной и Китай вступил в самый мрачный период своей истории. После краха династии Цин в 1911 году страна подверглась японской оккупации. Кровавая гражданская война между правительством Китайской Республики во главе с Китайской Националистической Партией (Гоминьдан) и Коммунистической Партией Китая (КПК), длившаяся с 1920-х до 1949 года, завершилась Коммунистической Революцией в Китае, в результате которой контроль над материковым Китаем перешел к коммунистам, и в 1949 году была создана Китайская Народная Республика (Lew & Leung, 2013, 9-12).⁶

Период председательства Мао Цзэдуна

Коммунисты во главе с Мао Цзэдуном, в 1949 году основавшие КНР, возглавили страну, которая была разрушена войнами и потрясениями. В своем стремлении восстановить Китай после столетия разрушений, коммунисты разработали нарратив, призывающий «вечно помнить историческое прошлое национального унижения», исходя из убеждения, что «чувство унижения должно способствовать национальному возрождению». Эффект чувства «национального унижения», который систематически обновляется в исторической памяти и, таким образом, используется в качестве важного элемента в построении китайской национальной идентичности, по-прежнему остается важным ориентиром в рамках дискурса «великого национального возрождения».

Политические, экономические и идейные истоки феномена возвышающегося Китая в сегодняшней мировой системе необходимо искать именно в вышеизложенном историческом процессе расцвета и упадка китайской государственности, который в значительной степени наложил свой отпечаток также на последующие этапы эволюции Китая второй половины XX века. Отрезок времени, начавшийся с образования Китайской Народной Республики и длившийся до окончания Холодной Войны, можно изучить путем разделения на пять соответствующих периодов, каждый из которых является важнейшим индикатором изменений и обновлений в китайской внешнеполитической доктрине, конкретизации целей и приоритетов в отношении внешнего мира.

Так, в период с 1949 года до конца 1950-х годов придерживавшийся одностороннего внешнеполитического подхода Китай был в значительной степени изолирован от внешнего мира и находился в зависимости от поддержки Советского Союза. В условиях биполярного мира холодной войны Китай, принимавший активное участие в борьбе с мировым империализмом, стал частью социалистического блока во главе с СССР. Именно в этот период произошло подписание Договора о дружбе, единстве и взаимопомощи (1950 г.) между Китаем и СССР под руководством Мао Цзэдуна и, как следствие, возникновение политико-идеологического и стратегического союза. Более того, в целях восстановления промышленности и сельского хозяйства, Китай прибегнул к обширной финансовой и технологической поддержке СССР и принял советскую модель развития (Грачиков, 2015, 206). Кроме того, СССР сыграл важную роль в разработке основ китайской ядерной программы. Однако проблемы, которые со временем возникли между Москвой и Пекином, к концу 1950-х годов привели к разрыву двусторонних отношений.

Как следствие разрыва советско-китайских отношений «односторонний подход» в китайской дипломатии потерял действенность (Fingar, 2016, 119). С конца 1950-х – начала 1960-х гг. Китай, постепенно отошедший от одностороннего подхода и, следовательно, от внешней политики, ориентированной на СССР, начал разрабатывать независимую внешнеполитическую линию, но при этом сохраняя свой идеологический курс построения социализма. По сути, китайская внешняя политика, изначально основанная на советской модели марксистско-ленинской идеологии, стала приобретать отличительные черты или китайскую специфику именно в этот период. В годы холодной войны развитие отношений со странами Азии, Африки и Латинской Америки, а также

⁶ Правительство Китайской Республики было вынуждено сосредоточить свою власть на острове Тайвань. С этого момента между двумя берегами Тайваньского пролива была прочерчена политическая и военная разделительная линия. И Китайская Республика на Тайване, и материковая Китайская Народная Республика продолжают формально претендовать на статус законного правительства всего Китая. Факт того, что между двумя китайскими государствами не было подписано мирного соглашения, вызывает споры о завершении гражданской войны.

сочетание борьбы против ревизионизма (против СССР) с борьбой против империализма (против США) составляли основные черты этого периода (Yılmaz, 2015, 83). В том контексте, столкнувшись с ситуацией противостояния с обеими сверхдержавами или феноменом «двойного врага», Пекин инициировал стратегию «третьего фронта», которая предусматривала перемещение промышленных мощностей страны во внутренние регионы (Shambaugh, 2013, 38-39).

Несмотря на ухудшение отношений с СССР Китай установил дипломатические отношения со многими развивающимися странами и сформулировал пять принципов «мирного сосуществования», которые стали характерной чертой китайской внешней политики в последующие этапы. Это принципы взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела, равенства и взаимной выгоды, а также мирного сосуществования. Считалось, что эти принципы составляют прочную основу дружественных отношений между Китаем и другими государствами и были закреплены в Конституции КНР. С таким видением основ межгосударственных отношений Китай стал одним из лидеров движения неприсоединения, отвергающего членство в каком-либо военно-политическом блоке, что составило основу установления тесных дипломатических отношений со странами третьего мира в соответствии со своими собственными интересами (Olimat, 2010; Taylor, 2010; Roett, 2010).

На фоне развития и расширения отношений со странами развивающегося мира Китай разработал своеобразный внешнеполитический подход, который был основан на теории «трех миров», выдвинутой Мао Цзэдуном (Fingar, 2016, 129). В отличие от западного мировидения, который делил мир на капиталистические, социалистические и развивающиеся страны и подчеркивал биполярность мировой системы, теория «трех миров» Китая рассматривала СССР и США, как две сверхдержавы в качестве «отдельного мира», части которого проводят гегемонистскую политику и пытаются навязать свою волю остальному миру. Соответственно, развитые капиталистические страны и коммунистические страны Восточной Европы, существовавшие под контролем и давлением двух сверхдержав, образовывали «второй мир». А развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки, которые вели борьбу за независимость против гегемонии и империализма, составляли ядро «третьего мира». Следует подчеркнуть, что подход «трех миров» был сформулирован в то время, когда Китай находился в напряженных отношениях как с СССР, так и с США, и столкнулся с необходимостью обоснования собственных политических целей на мировой арене.

В результате «культурной революции» (1966–1976) в Китае произошла радикализация в том числе и во внешнеполитической линии страны. Взаимное недоверие в отношениях с СССР усилилось, разогрев проблему «идеологического противостояния» вследствие возникновения уникального и свойственного только Китаю социализма (Торбаков, 2016). Провозглашение в 1968 году доктрины Брежнева, легитимировавший интервенцию СССР в другие социалистические страны, было воспринято в Пекине как угроза, что привело к осознанию необходимости пересмотра и отказа от политики изоляционизма, принятой в период «культурной революции». Так, на фоне углубления китайско-советской враждебности в результате короткого пограничного конфликта 1969 года, Китай вступил в процесс сближения с США. Это происходило параллельно с открытием Китая внешнему миру и начатыми экономическими реформами. Действительно, одним из самых важных событий этого периода было решение Мао Цзэдуна сблизить отношения с США. Китай предложил США подписать соглашение, основанное на пяти принципах мирного сосуществования, и в феврале 1972 года состоялась встреча президента США Ричарда Никсона и Мао Цзэдуна. Установление полноценных контактов с развитыми странами капиталистического мира на основе принципа признания Китая создало основу для формирования нового вектора китайской внешней политики. Тот факт, что Китайская Народная Республика утвердила членство в ООН в 1971 году, стал важным фактором продвижения политики открытия Китая внешнему миру.

Период политики экономических реформ и открытости внешнему миру

Период с конца 1970-х до конца 1990-х годов чрезвычайно важен с точки зрения понимания внешнеполитической идентичности Китая и нынешнего феномена глобального подъема, поскольку в этот период была определена новая парадигма отношений между Китаем и внешним

миром. Эта парадигма, основы которой были заложены с конца 1970-х годов, в первую очередь проистекает из динамики внутренних изменений Китая. Так, реформистская группа во главе с Дэн Сяопином, пришедшая к власти вместо консервативно настроенного Мао, начала реализовывать дискурс и политику «открытости внешнему миру и экономических реформ», объявленных в 1978 г.

В отличие от эпохи Мао, новое руководство Китая сместило стратегический приоритет страны с идеологической борьбы на экономическую. Политика «открытости для внешнего мира и реформ» была принята для увеличения иностранных инвестиций и усиления темпов развития (Scobell, 2020). Дэн Сяопин, руководивший страной с 1978 по 1992 год, утверждал, что Китаю следует оставаться в тени во внешней политике и сосредоточиться на регулировании своих внутренних дел. В этот период происходит нормализация отношений со многими странами мира и построение новой внешнеполитической доктрины, предусматривающей отказ от радикальной идеологической пропаганды. Важное значение приобрела экономическая составляющая в международных отношениях, подчеркнуто развитие взаимовыгодных механизмов двустороннего и многостороннего взаимодействия. Другими словами, для Китая экономическое измерение обрело приоритет над политическим в двусторонних отношениях, основанных на принципе равенства.

С этого периода идейным ядром китайской внешнеполитической линии становится концепция «мирного развития», основанная на конфуцианских принципах (Shaohua, 2006; Vijian, 2005). Такое понимание внешней политики сформировалось в основном в середине XX века и оценивалось как расширение подхода, основанного на пяти классических принципах мирного сосуществования, упомянутых выше. Согласно этому подходу, также известному как «мирное возвышение», основной потребностью Китая для достижения основных целей и интересов во внешней политике является обеспечение региональной и международной стабильности и непрерывности доступа к глобальным финансовым и технологическим возможностям. Китайское руководство стало выражать убежденность, что мирный рост и подъем возможны только в том случае, если Китай становится частью международных конфликтов. Таким образом, концепция «мира и развития» стал проявлением необходимости перехода от теоретических догм марксизма к государственному капитализму и объективной реальности глобализации (Bekkevold & Ross, 2016: 352).

В общих чертах, внешнеполитический подход Китая, принятый со времен Дэн Сяопина, основан на формуле «скрывай свою силу, жди своего часа» (Shambaugh, 2013, 15-16). Так, начиная с периода правления в Китае второго поколения китайских лидеров⁷, был принят новый внешнеполитический подход, предусматривающий осторожность, прагматичность, ориентированность на экономические выгоды и избегание прямой конфронтации с внешними силами, а также недопущение или смягчение идеологических и военно-политических противостояний в межгосударственных отношениях. С этого периода (в особенности с периода правления Цзян Цзэминя) Китай принял стратегию аккумуляции своего внутреннего экономического потенциала в соответствии с целью глобального роста в складывающемся многополярном миропорядке.

Однако события на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 года стали важным переломным моментом во внутренней и внешней политике Китая. Кроме того, с распадом коммунистических режимов Восточной Европы и Советского Союза, исчезновением социалистического блока и крахом биполярной глобальной системы у Китая возникла необходимость переосмысления своего видения мира и отношений с внешним миром (Yilmaz, 2015). Китайский режим оказался перед экзистенциальной потребностью осмыслить динамику распада Советского Союза с тем, чтобы не повторить его участь, и в этом плане признал приоритетность сосредоточения внимания на экономическом развитии, которое последовало по пути пересмотра социализма в направлении его наполнения либерально-реформистскими идеями (Иванов, 2016, 61).

⁷ Выражение «китайское руководство второго поколения» используется для обозначения политического режима, установившегося после смерти Мао в 1976 году и продолжавшегося до ухода Дэн Сяопина от власти в результате событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 году. В этой классификации китайские лидеры во главе с Мао Цзэдуном составляли «первое поколение», руководство во главе с Цзян Цзэмином (1993 по 2003) – «третье поколение», а Ху Цзиньтао (2003-2012 годы) – «четвертое поколение». Группа лидеров во главе с Си Цзиньпином, пришедшая к власти в 2012 году, называется «пятым поколением» китайских лидеров. См.: Во, З. (2016). *China's Fifth-Generation Leaders. Characteristics of the New Elite and Pathways to Leadership*. In R. S. Ross & J. I. Bekkevold (Eds.). *China in the Era of Xi Jinping. Domestic and Foreign Policy Challenges* (pp. 47-118). Washington, DC: Georgetown University Press.

Так, Китай под руководством Цзян Цзэминя (1993-2003) придерживался «сдержанной» (или ненапористой) внешнеполитической стратегии как продолжение вышеуказанной формулы Дэн Сяопина и сосредоточился на внутреннем экономическом росте. Благодаря этому китайская экономика начала быстро расти, и страна постепенно стала мировой фабрикой, что привело к превращению Китая в наиболее важный центр мировой экономики. В этом контексте китайские руководители неоднократно подчеркивали, что Китай не претендует на роль глобальной политической державы. Иными словами, Китай занял «скромную» линию так называемой «половинчатой силой» в международных отношениях (Shambaugh, 2005, 306; 2013).

В то время как в годы холодной войны Китай выступал за коренную перестройку системы международных отношений, подчеркивая угрожающее влияние империализма, гегемонизма и колониализма на осуществление принципов мирного сосуществования, в период после холодной войны он сосредоточил внимание на обновлении существующего международного порядка и своих отношений с остальным миром. Ревизия мирового порядка, по убеждению Китая, не должна была вызывать системное колебание, и обновляющийся мировой порядок должен был лишь учесть растущую материальную мощь Китая, который мог бы занять в этом новом мире позиции, пропорциональные этому росту (Ye, 2019: 94). Другими словами, произошел переход от идеологической убежденности, направленной на разрушение системы, к более прагматичному подходу сохранения ее внутреннего содержания с некоторыми корректировками (Yılmaz, 2015, 83-85; Scobell, 2020).

Такое видение будущего мирового порядка зиждется на вере в то, что мир должен развиваться в направлении многополярности, которая стала важной точкой корреляции и соответствия в отношениях с постсоветской Россией. По сути, это общее видение мирового порядка проявилось в создании Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), которая является важной институциональной проекцией постсоветского российско-китайского партнерства и значительной платформой для военного сотрудничества в Центральной Азии (Лукин, 2020).

Несмотря на неприемлемость Китаем западной убежденности в том, что однополярность является единственно возможной формулой мирового порядка, Пекин воспользовался основными институтами и нормами пост-биполярного мирового порядка как возможностью для укрепления и развития своей экономики. Таким образом, в 2001 году Китай стал членом ВТО, укрепил свои отношения со странами АСЕАН в Азиатско-Тихоокеанском регионе и преуспел в установлении глубоких структурных, экономических и политических связей с различными континентами и регионами мира. В этом контексте подчеркивается, что Китай не пытается добиться политической гегемонии или доминирующего политического превосходства, особенно в отношениях с развивающимися странами, а основан на принципе равенства и взаимной выгоды (Wen, 2004).

Однако глобализация, а также ценности, нормы и институты, которые она предусматривает, имеют для Китая функциональный характер. В этом смысле китайский национализм и глобализация рассматриваются как явления, дополняющие друг друга. С одной стороны, Китай должен принять экономическую глобализацию (экономические реформы и открытость), когда это необходимо, с тем чтобы превратиться в сильное и процветающее государство. В этом контексте Китай оценивает экономическую глобализацию с односторонней точки зрения, интерпретируя ее в категориях «государство-центричной» глобализации или глобализации, служащей «укреплению государства». С другой стороны, он должен предотвращать всевозможные идеологические элементы глобализации. Таким образом, внешняя политика Китая в эпоху глобализации продемонстрировала противоречивость понимания интеграция Китая в международную систему и углубление отношений взаимозависимости, которые как усиливают, так и ограничивают суверенитет Китая (Kim, 2006, 298).

Период становления Китая как новой сверхдержавы

В рамках периода, начавшегося с начала 2000-х годов и продолжающегося до сегодняшнего дня, происходило становление Китая как новой сверхдержавы. Основываясь на сочетании быстрого роста экономической мощи и распространении китайского влияния на всех континентах мира, как посредством рычагов экономического воздействия, так и использования различных инструментов мягкой силы, Китай превратился в один из полюсов международной системы в контексте геополитического и геоэкономического влияния. В этом плане Китай по-прежнему

считает, что нынешнюю структуру международной системы следует поддерживать на основе принципов мирного сосуществования. Основываясь на этом классическом подходе, Китай, выдвинувший идею «гармоничного мира» для «общего развития» во всем мире, придерживается стратегии, основанной на двух основных концепциях внешней политики, таких как «мирное возвышение» (период Ху Цзиньтао) и «Китайская мечта» (период Си Цзиньпина).

Концепции «гармоничного мира» и «мирного возвышения», выдвинутая Ху Цзиньтао (2003-2012) в качестве основного видения внешней политики Китая, исходит из тезиса, что Китай – это развивающаяся страна, рост и возвышение которого ориентировано в основном на улучшение жизни и благосостояния собственного населения и экономики (Vision and Actions, 2015). Следовательно, «мирный подъем» Китая не влечет за собой отрицательное воздействие на другие государства, не нацелено на разрушение существующего баланса сил и не ставит под угрозу устоявшийся порядок в международной системе (Suettinger, 2004).

По мнению Ху Цзиньтао, подход «гармоничного мира» должен иметь четыре основные характеристики: (1) эффективная многосторонность, в которой Организация Объединенных Наций играет сильную роль, (2) развитие механизма коллективной безопасности, (3) процветание для всех на основе взаимной выгоды и сотрудничества и (4) укрепление толерантности и диалога между различными цивилизациями. Подобно подходу «мирного подъема», в видении «гармоничного мира» Китай пытается создать имидж и восприятие того, что его подъем не будет угрозой, что Китай не намерен превращаться в гегемонистскую державу или что он не нарушит текущий мировой порядок (Shambaugh, 2016, 269; Vision and Actions).

По словам Ху Цзиньтао, отношения мира, развития и сотрудничества в нынешней мировой системе предоставляют беспрецедентную возможность для разных стран мира жить вместе в мире и гармонии. На самом деле считается, что международное сообщество должно работать вместе и прилагать усилия для построения гармоничного мира в целях достижения прочного мира и всеобщего процветания. В качестве продолжения этого убеждения нынешний глава Китая Си Цзиньпин в 2012 году представил концепцию «Сообщества Общей Судьбы» (Zhang, 2018). Это понимание мировой системы и места Китая в ней далее оформилось в концепцию «китайской мечты», разработанной со стороны пятого поколения китайских лидеров во главе с председателем Си Цзиньпином. Концепция, оформленная вокруг мечты о великом возрождении китайской нации, состоит из трех основных компонентов: (1) сильное государство всеобщего благосостояния, (2) национальное возрождение, (3) национальное/социальное счастье (Peters, 2017, 1300; Miller, 2019).

Подчеркивая, что Коммунистическая партия Китая является локомотивом «Китайской мечты», это видение рассматривается как единственный способ построения китайского социализма и возрождения китайской нации. Ожидается, что реализация Китайской мечты превратит страну в богатое, мощное, демократическое, цивилизованное, гармоничное, модернизированное социалистическое государство, и эта цель будет реализована к 100-летию образования КНР в 2049 году.

Таким образом, конечная цель нынешней внешней политики и большой стратегии Китая – это добиться «национального возрождения» и, таким образом, реализовать «китайскую мечту». Это означает «строительство современной социалистической страны, богатой, могущественной, демократической, цивилизованной и гармоничной». На первом этапе плана развития, определенного Си, который продлится до 2035 года, Китай стремится стать мировым лидером в области инноваций и обладать большей «мягкой силой». На втором этапе, который продлится до 2050 года, Китай станет «процветающей, сильной, демократической, культурно развитой, гармоничной и красивой страной» (Vision and Actions; Peters, 2017, 1300). В соответствии с этими целями, устав КПК был пересмотрен, и был принят дискурс о «построении китайского социализма для новой эпохи», который придает идеологическую легитимность современной политике и власти КПК (Scobell, 2020).

Путь к достижению цели национального возрождения лежит через расширение и укрепление экономического сотрудничества, которое должно охватить весь евразийский континент. Это видение, направленное на повышение благосостояния китайского общества, касается внутренней и внешней политики в целом. Такое понимание подразумевает, что реализация «китайской мечты» и

мирное развитие Китая зависит в том числе от развития окружающих его стран. Соответственно считается, что видение, предлагаемое Китаем миру, служит всеобщему благу (Peter, 2016, 942, 956).

Вера в уникальную роль Китая в мире занимает важное место в подходе «Китайской мечты». Так, Китай изображается как сила, которая верит в мирное развитие и международное сотрудничество, гармоничный мир, а его традиционные идеалы и ценности несут пользу всему мировому сообществу. Стремление к «богатству и развитию» сосредоточено как на экономических, так и на социально-культурных («мягкая сила») и военно-политических («жесткая сила») элементах. Так, по мнению Си Цзиньпина, «Китай должен сохранить связь между богатой страной и сильной армией и стремиться к построению консолидированной национальной обороны, чтобы осуществить национальное возрождение» (Kai & Huiyun, 2013; Miller, 2017, 30). Таким образом, Си отказался от сдержанного (неактивного) внешнеполитического подхода. Первые признаки к переходу к про-активной внешней политике возникли в призыве Си к «новой модели отношений между великими державами». Китай также стал уделять приоритетное внимание «дипломатии соседства» (дипломатии ближнего зарубежья) и начал формировать конкретную политику, чтобы превратить свой экономический вес в региональное лидерство (Yan, 2014).

Исходя из такого видения внешней политики, Китаю удалось стать первой экономикой в мире и одной из ведущих стран-инвесторов в течение первого десятилетия XXI века. В этот период Китай развил способность применять основные положения своего уникального внешнеполитического видения в конкретных глобальных проектах (Rolland, 2017). В этом контексте Си Цзиньпин разработал различные региональные и глобальные инициативы и инициировал партнерские отношения, такие как Инициатива «Один пояс, один путь» (в которую входят проекты Экономический Пояс Шелкового Пути и Морской Шелковый Путь XXI века), Азиатский Банк Инфраструктурных Инвестиций и Региональное Всеобъемлющее Экономическое Партнерство. По мнению Китая, исходя из вышеупомянутого подхода, участие государств Евразии в проектах, предусматривающих возрождение исторического Шелкового пути, будет способствовать взаимной выгоде и всеобщему процветанию. Китай подчеркивает, что реализация проекта нового Шелкового пути не только обеспечит развитие инфраструктуры регионов вдоль маршрутов, предусмотренных проектом, но и трансляцию понимания «сообщества общей судьбы» и «гармоничного развития» в государствах всего евразийского континента (Dian & Menegazzi, 2018, 128).

Глобальный Подъем Китая в Свете Теорий Международных Отношений: Дихотомия Ревизионизма и Приверженности Статус-Кво

В центре внимания академических исследований находится поиск теоретической основы, которая позволит понять, объяснить и спрогнозировать внешнюю политику Китая и ее глобальный подъем. В целом влияние Китая и его подъем в контексте влияния на структуру международного порядка рассматривается в диапазоне восприятий Китая как «угроза» и как «возможность» (Callahan, 2005).

Учитывая китайское видение международного порядка и особенности его эволюции, изложенные выше, существуют различные подходы и понимания внешнеполитических намерений Китая. По словам Ли Куан Ю, «Китай намерен стать величайшей державой в мире. Более того, в отличие от других развивающихся стран Китай стремится к тому, чтобы его воспринимали именно как «Китай», а не как участник западного лагеря» (Allison et al., 2012, 41). По словам Генри Киссинджера, «Китай считает себя не возвышающейся, а возвращающейся державой. Так, Пекин рассматривает появление могущественного Китая с влиянием в экономических, культурных, политических и военных вопросах как возврат к естественному положению, а не как «анормальный» вызов нынешнему мировому порядку. Это вопрос исторической преемственности и рассматривается как проявление характеристики Китая быть цивилизацией не только бесконечной, но и «без начала» (Kissinger, 2012). Киссинджер напоминает, что эпосы «Желтый император» и «История трех королевств», которые занимают важное место в идейном строении Китайского самовосприятия, обращаются к процессу погружения китайской цивилизации в хаос и возрождение, резюмируя эту неизменную диалектику: «разделенная империя должна быть вновь объединена, объединенная империя должна быть вновь разделена». (Kissinger, 2012: 27-31). Другими словами, в исторической памяти Китая, который пережил многие периоды внутренних и

внешних войн и хаоса, (китайское) государство не является результатом создания некоей новой структуры, на месте неоднократно распадавшейся на каждом этапе истории, а государство, которое всегда формировалось в результате возрождения того, что существует вечно.

Успешно интегрируясь в международную экономическую систему, сопротивляясь политической и идеологической интеграции, Китай отвергает исключительность Запада в рамках как официальной внешнеполитической доктрины, так и академических дебатов, и предлагает свои собственные альтернативы в контексте международного порядка: «баланс между великими державами» вместо «гегемонии Запада», «социализм», ориентированный на государство» вместо «капитализма», «авторитаризм» вместо «демократии» и предпочтение других форм правления (Mazarr, Heath & Cevallos, 2018). Однако Джонстон (2013) утверждает, что Китай является державой не «ревизионистской», а державой «статус-кво». Тем не менее, согласно другим наблюдениям, Китай пытается «разрушить» международный порядок, основанный на гегемонии США (Nathan, 2016; Pillsbury, 2015; Jacques, 2012; Christensen, 2016). Другая группа исследователей задается вопросом, есть ли у Китая желание и способность перестроить установившийся мировой порядок. В этом контексте подчеркивается, что Китай является «ограниченной державой», то есть актором, действующим в соответствии с пассивным и ориентированным на узкие интересы подходами (Shambaugh, 2014; Swaine, 2010; 2016). Тем не менее, уровень взаимозависимости, сложившегося между Китаем и остальным миром в результате глобализации показывает, что Китай, включенный в существующую систему, не будет пытаться разрушать ее. На самом деле глобальный подъем Китая стал возможным благодаря этой системе. Кроме того, хотя возвышающийся Китай преуспел в выдвижении своих альтернатив, взяв на себя инициативу по установлению нового регионального порядка путем создания новых институтов и инициатив, не означает свержения существующей системы (Jones & Zeng, 2019). Такое понимание намерений Китая вылилось в интерпретацию, рассматривающую Китай как «удовлетворенная сила».

На фоне такого разнообразия мнений, текущую литературу можно разделить на две категории. С одной стороны, утверждается, что подъем Китая неизбежно приведет к соперничеству великих держав (Mearsheimer, 2001; 2014; Jacques, 2012), с другой стороны, утверждается, что такое развитие немыслимо в рамках нынешней международной системы (Mahbubani, 2018; Etzioni, 2016). Если одним из основных особенностей периода усиления глобализации после окончания холодной войны был симбиоз («кимерика») между Китаем как возвышающейся державой и США, как утвердившегося гегемона, то с начала 2000-ых годов китайско-американское противостояние стало наиболее явной тенденцией международных отношений, с кульминацией уровня напряженности в рамках текущего эпидемического кризиса. Принято считать, что это противостояние станет определяющим фактором динамики мира и войны в международных отношениях в среднесрочной перспективе (Лукьянов, 2020).

Глобальный подъем Китая расценивается как феноменом исторического значения равносильный процессам конца XX-го века, которые имели долгосрочные последствия для мировой системы в целом, а именно падение Берлинской стены, крах Восточного блока и распад СССР, положившие конец холодной войне и биполярному миропорядку. Тем не менее, процесс возвышения Китая и его последствия для мировой системы в отличие от вышеупомянутых переломных событий 1990-ых годов не привели к полномасштабным концептуальным разработкам в теории международных отношений. Так, исторические последствия революционной трансформации мирового порядка в направлении однополярности стали предметом глубоких теоретических дискуссий и ревизий традиционных подходов и пониманий в дисциплине международных отношений, известных под общим названием «межпарадигмальный спор», наиболее интенсивная разработка которого произошло с начала 1990-х годов (Waever, 1996; Katzenstein & Sil, 2008). В этом отношении следует отметить, что исторический феномен подъема Китая не привел к пересмотру устоявшихся парадигм в теории международных отношений (Pan & Kavalski, 2018, 290).

Точно так же, как окончание холодной войны не только устранило биполярное противостояние за глобальное доминирование, но и привело к более глубоким последствиям для мировой системы в широком смысле, феномен подъема Китая, с которым мы сталкиваемся сегодня, не сводится лишь к росту влияния одного государства в сравнении с устоявшимися державами мировой системы. Трансформация внешнеполитического поведения Китая, а также процесс его глобального возвышения в целом, является довольно сложным явлением, которое

несет с собой более широкие политические, экономические и социальные изменения с точки зрения международной системы и порядка как на глобальном, так и на региональном уровнях. Следовательно, глобальное возвышение Китая вызывает необходимость теоретизирования в более широких перспективах и альтернативных рамках. В этом смысле в различных исследованиях подчеркивается, что подъем Китая представляет собой онтологическую и эпистемологическую проблему, требующую пересмотра существующих парадигм, и что теоретизирование данного явления должно осуществляться вне рамок традиционных подходов (Acharya & Buzan, 2017; Pan & Kavalski, 2018). Другими словами, в контексте теоретизации подъема Китая текущие усилия концептуальных разработок, основанных на таких классических парадигмах и учениях, как реализм, либерализм, конструктивизм, сводятся лишь к применению и тестированию своего объяснительного аппарата и потенциала в отношении раскрытия и описания внешнеполитического поведения Китая, а также последствий его возвышения на глобальный или региональный порядок. Этот тип общепринятого (традиционного) теоретизирования, ограничивается установлением общих особенностей подъема Китая, другими словами, остается по большому счету описательным конструктом, которое не рассматривает подъем Китая как явление, «производящее теорию» (Pan & Kavalski, 2018, 290-291).

Учитывая недостаточность/ограниченность объяснительного потенциала традиционных теорий международных отношений в поисках подходящей теоретической основы осмысления китайской внешней политики и глобального подъема подчеркивается необходимость в синтезирующих разработках, межпарадигмальных и эклектических подходах, которые могут инициировать новые дискуссии о сущности власти и ее трансформации (Пан, 2014, 388). Теория перехода власти (Lemke, 2003; Lemke & Reed, 2001; Kim & Gates, 2015), теория английской школы международных отношений (либеральный реализм) (Buzan, 2010; 2018; Schneider, 2014; Kirsher, 2010) и неоклассический реализм (Wohlforth, 1993; Rose, 1998; Taliaferro, 2006; Schweller, 2006; Rathbun, 2008) выступают ведущими теоретическими подходами, широко используемыми в рамках эклектического анализа.

С точки зрения поиска теоретической основы понимания внешней политики Китая и его глобального возвышения в этой части статьи будут обсуждаться основные тезисы вышеупомянутых традиционных и эклектических подходов к внешнеполитическому поведению Китая в целом и к его глобальному подъему в частности.

Конвенциональное теоретизирование и внешняя политика Китая

Сторонники неореализма подчеркивают, что возвышение Китая неминуемо приведет к нестабильности и конфликтному соперничеству между великими державами в сфере безопасности, основываясь на исторических примерах соперничества великих держав между возвышающейся державой и ослабевающей установленной державой (Friedberg, 1993). В этом контексте Миршаймер (2014; 2016; 2018; 2019), наиболее влиятельный сторонник структурного реализма, утверждает, что мирный подъем Китая невозможен, и проводит параллели между поведением растущего Китая и гегемонистской мощью США. Так, согласно неореализму, США сохраняют свою решимость помешать Китаю доминировать в Азии, а также в остальных частях мира. Другими словами, если Китай продолжит наращивать свою мощь, США будут стремиться к большему сдерживанию и контролю Китая. Цель США – сбалансировать возвышающуюся мощь Китая, и действия по достижению этой цели включают поддержание хороших отношений с наиболее сильным соседями Китая, такими как Индия.

С точки зрения неореализма, хотя действия США и их союзников в Азии, направленные на сдерживание Китая, преподносятся как оборонительные, они будут восприняты Китаем как агрессивные. Точно также, хотя Китай старается представить свое возвышение как мирный (оборонительный) процесс, он будет воспринят установленным гегемоном как агрессивный вызов. Следовательно, хотя экономическая и военная взаимозависимость между США и Китаем углубляется, продолжающийся экономический и военный рост Китая приведет к усилению конкуренции и противостояния между двумя державами. Считается, что подобно тому, как США исключили европейские великие державы из Западного полушария в XIX веке, Китай, как растущая держава, будет пытаться дистанцировать США от Азиатско-Тихоокеанского региона («китайская доктрина Монро») (Mearsheimer, 2014).

Таким образом, с точки зрения неореализма развивающийся Китай может изменить геополитическую структуру Восточной Азии (Kirshner, 2010, 59-60). В этой ситуации утверждается, что обострение конкурентных отношений между США, которые стали единственной сверхдержавой международной системы после холодной войны, и растущим Китаем приведет к так называемому феномену «ловушки Фукидида» (Allison, 2017).

Согласно неолиберальной парадигме, для которой международные институты и их влияние на внешнюю политику считаются важной переменной, Китай с его авторитарной системой, в которой институциональные механизмы сдержек и противовесов сосредоточены в одном центре, как не парадоксально, может превзойти демократии в краткосрочной перспективе именно благодаря такой системе. Однако либеральная парадигма считает, что в долгосрочной перспективе Китай может стать надежным партнером для сотрудничества для Запада, если он будет двигаться к развитию демократических институциональных механизмов сдержек и противовесов и системы подотчетности. В этом контексте Най (2010), опровергая тезис о неизбежности конфликта как следствие возвышения Китая, утверждает, что решение экологических, финансовых и других глобальных проблем не будет достигнуто без конструктивной вовлеченности Китая. Поэтому не конфронтация, а примирение, сотрудничество и углубление взаимозависимости должно стать тем руслом, в которое следует направить процесс возвышения Китая.

Подчеркивая увеличение роли Китая в нынешней международной системе вследствие непрерывного и беспрецедентного экономического роста, Фукуяма (2016) утверждает, что политическая система Пекина коренным образом отличается от тоталитаризма XX-го века, поскольку экономический и политический подъем Китая не является вызовом нынешнему международному порядку. В противовес пессимистическим прогнозам неореалистов, неолиберальная парадигма рассматривает значение глобального возвышения Китая в контексте институтов, правил и норм либерального международного порядка. В этом отношении считается, что подъем Китая был возможен благодаря либеральной международной системе, которая считается единственным действующим и доминирующим порядком в эпоху после холодной войны. Сторонники глобального либерализма подчеркивают, что возможности Китая по реорганизации международного порядка ограничены. Фактически, в результате своей политики реформ и открытости Китай глубоко интегрировался в либеральную международную систему. Таким образом, состояние взаимозависимости ограничивает шансы Китая стать ревизионистской силой, намеренной на коренную перестройку системы, в которой и происходит рост Китая. Приверженцы неолиберализма, которые считают сценарий изменения порядка путем обращения к механизмам жесткой силы маловероятным из-за существующей глубокой взаимозависимости, полагают, что сама по себе китайская модель (в отрыве от либерального глобального порядка) неустойчива. Другими словами, феномен подъема Китая представляется как явление, которым можно «управлять» через сеть либеральных институтов и норм (Ikenbery, 2008, 30-31).

В отличие от приверженцев неореализма, которые делают упор на категории конфликта и власти, а также неолиберализма, которые исходят из концепции общих интересов и взаимозависимости, конструктивизм подчеркивает феномен идентичности, норм и ценностей как основного детерминанта, формирующего международный порядок. Конструктивизм утверждает, что процесс формирования региональных многосторонних режимов и институтов взаимодействия служит в первую очередь конструированию политической идентичности и продвижению определенных ценностей (Vucetic & Norf, 2018). Взаимодействие между государствами и институтами служит конструированию и легитимизации соответствующих внешнеполитических идентичностей. В этом контексте утверждается, что Китай пытается расширить свое взаимодействие со странами Евразии путем создания различных платформ многостороннего сотрудничества, таких как инициатива «Один пояс, один путь» или Региональное Всеобъемлющее Экономическое Партнерство, для поощрения альтернативных идеологических и нормативных систем, создания мягкой и нормативной власти Пекина и повышения легитимности его растущей власти в международном сообществе (Jones & Zeng, 2019, 1415).

Конструктивистский подход (Norf, 2009; 2016) в контексте теоретизирования глобального подъема Китая так же предполагает, что экономическая взаимозависимость может предотвратить конфликт великих держав. Основная идея заключается в том, что тот факт, что Китай возвышался в международной системе после холодной войны, в которой доминировали либеральные ценности, на самом деле показывает, что Пекин интегрирован в эту систему. Таким образом,

уровень экономической, торговой и финансовой интеграции между растущим Китаем и нынешними (и находящимися в упадке) великими державами в рамках либерального порядка указывает на то, что этот переход власти будет происходить в условиях мирного соревнования и не приведет к войне великих держав (Mahbubani, 2020). Более того, это показывает, что Китай, вовлеченный во многие институты либерального международного порядка и принявший его нормы, преуспел в процессе «социализации», которому конструктивизм придает большое значение (Johnston, 2007). В этом контексте подъем Китая рассматривается как возвращение к нормальности, особенно в контексте регионального порядка (Kang, et al., 2008). Так, изоляция Китая от внешнего мира, начатая с краха империи и продолжавшаяся вплоть до эпохи реформ и открытости конца 1970-х годов сменилась приоритетностью регионального экономического сотрудничества и торговых отношений, что фактически означало возвращение к естественному состоянию китайского регионального порядка. Поэтому, как и в случае с либеральной перспективой, согласно конструктивизму, подъем Китая следует рассматривать как фактор стабильности и мира, а не как конфликта с точки зрения региона и мира (Kang, et al., 2008).

Эклектичное теоретизирование и внешняя политика Китая

Выше мы установили, что в теоретических дискуссиях о намерениях возвышающегося Китая доминируют два аргумента: первый основан на категории силы и подчеркивает, что Китай имеет тенденцию к ревизионизму; второй исходит из категории взаимозависимости и подчеркивает, что возвышающийся Китай удовлетворен нынешней системой. Однако существует третья линия аргументации, которая подчеркивает их проблематичность и недостаточность для объяснения нынешнего подъема Китая. Особенность, которая отличает Китай как возвышающуюся державу, заключается в том, что его видение международного порядка и своего места в нем изменялось в историческом контексте. Диапазон смены такого видения менялся от Китая как своего рода «обособленного мира», существующего отдельно от общей системы международных отношений до Китая, которому присущи тенденции к интеграции в международную систему в определенный период истории (Legro, 2007, 516). Таким образом, ревизионистский взгляд на структуру и принципы системы временами уступал место одобрению и принятию существующих норм и правил игры. В этом плане поворот к идее интеграции с глобальной системой начался с периода экономических реформ и открытости конца 1970-х годов.

Тем не менее, в дополнении к вариативности взглядов на международную систему Китай предлагает своеобразную модель развития. Эта модель, определяемая как своего рода «Пекинское соглашение», основана на сильной стратегии развития и роста и суверенитете, контролируемом государством. В контексте внешней политики Китай основан на трех основных принципах: притязание на региональную власть, признание превосходства Китая над соседними странами и гармоничный порядок сосуществования, основанный на предыдущих двух принципах. По сути, эти принципы являются проекцией пацифистской линии конфуцианской доктрины на сегодняшнее видение внешней политики Китая. Внешнеполитическое видение, основанное на этих принципах по своей природе, рассматривает международную систему как иерархию, в которой Китай находится на вершине, а остальные государства подчиняются или «знают свое место» (Allison, 2017).

Теория английской школы международных отношений и неоклассического реализма занимает важное место среди подходов, предлагающих альтернативную синтезирующую теоретическую рамку, учитывающую различия в контексте вышеупомянутых исторических, структурных и идейных основ глобального подъема Китая и его внешней политики в целом.

По сравнению с традиционными подходами теория английской школы дает возможность преодолеть узкие рамки основных теорий международных отношений и рассматривает феномен подъема Китая вне теоретической дилеммы, основанной на альтернативности войны и мира, а именно конкурирующие позиции реализма, предостерегающего противостояние великих держав, и либерализма, предполагающего возможность преодоления такого противостояния путем усиления глобальной интеграции (Dian & Menegazzi, 2018, 3-4).

Разделение идеального типа международного порядка на солидаристский и плюралистический, предлагаемое теорией английской школы, важно для анализа роли Китая в современном региональном и глобальном порядке и для понимания нормативной ориентации

Китай. Попытки Пекина бросить вызов и изменить структуру международного порядка можно понимать как попытку противостоять элементам солидарности в международном порядке и подтвердить элементы плюралистического порядка. Основываясь на плюралистическом видении, китайская внешнеполитическая идентичность и поведение противопоставляются внедрению солидаристских элементов порядка в международную систему (Buzan, 2018).

Преодолевая споры между неолиберализмом и неореализмом относительно сути подъема Китая в контексте международной системы, английская школа утверждает, что данный процесс протекает как в рамках «перехода власти» (что означает перераспределение материальной власти), так и «смены порядка» (что означает пересмотр нормативного содержания регионального и глобального порядка). В этом контексте Китай может продвигать свои собственные нормы и альтернативные ценности в отношении ключевых институтов международного сообщества ровно так же, как он подвергается процессу социализации, который предусматривает интернализацию норм и правил международного порядка. Диалектика неореализма и неолиберализма, варьирующаяся между усвоением и отрицанием ценностей нынешней системы, остается вне поля зрения английской школы (Buzan, 2010). В этом подходе утверждается, что взаимодействие между восходящей и нисходящей силой происходит как взаимная социализация. Так, хотя Китай социализирован в соответствии с нормами и институтами международного порядка, возглавляемого Западом, он также имеет возможность изменять нормативные и институциональные основы порядка на региональном и глобальном уровнях, не разрушая данный порядок. Другими словами, подъем Китая, предлагающего как структурную, так и идейную альтернативу существующему международному порядку через инициативу «Один пояс, один путь» и другие институциональные структуры, осуществляется в соответствии с предписаниями Запада (Mahbubani, 2018; 2020).

Западный анализ подъема Китая часто использует неореалистическую аналитическую основу и рассматривает Китай как возвышающуюся державу в анархической международной системе (Sorensen, 2013, 367). Как мы рассмотрели выше, в контексте объяснения внешней политики Китая неореализм рассматривает системные факторы (анархию и полярность) как главный детерминант, уделяя ограниченное внимание внутренним факторам. Отправной точкой анализа, основанного на неоклассическом реализме, является утверждение, что возвышающийся Китай не обязательно демонстрирует ревизионистское внешнеполитическое поведение, как утверждается в агрессивном реализме. Характер внешней политики Китая определяется конкретными внутренними и внешними условиями, с которыми сталкивается Пекин. Другими словами, неоклассический реализм акцентирует свое аналитическое внимание не на вопросе ревизионизма как такового, а исследует, какие именно условия приводят к тому, что можно было бы назвать ревизионистским или статус-кво поведением во внешней политике Китая. В этом контексте подчеркиваются два важных внутренних элемента, такие как «легитимность через исполнение внутренних задач» и «национализм».

Китайский национализм не является монотонным явлением, поскольку он подпитывается чувством исторической гордости, связанной с успехами нынешнего Китая в мировой экономике, так и с исторической памятью о «столетии унижения». Национализм, как проявление «двойной» идентичности (дихотомия внутренней и внешней слабости и силы) как на уровне политической власти, так и на уровне общества в целом, является фактором, влияющим на восприятие роли Китая в мире и в развитии международной системы (Sorensen, 367-368). Политическая власть в Китае всегда использовала национализм для обеспечения внутренней социальной и политической стабильности и обоснования внешнеполитических действий. Главный аргумент китайского национализма состоит в том, что только могущественный Китай во главе с Коммунистической партией может вернуть себе заслуженный международный статус и уважение, которая позволит Китаю противостоять внешним силам, намеренным препятствовать его развитию. Китайский национализм, которому присуща нисходящая структура развития, является, таким образом, частью усилий Коммунистической партии Китая по обретению легитимности с помощью достижений в экономической сфере и политического дискурса, сконструированного вокруг успехов в обеспечении внутреннего процветания и стабильности (Sorensen, 376).

Тем не менее, согласно неоклассическому реализму, внешнеполитическая стратегия Китая определяется как внутренними переменными, так и внешней динамикой, такой как стратегическое взаимодействие с другими великими державами и соседними странами, и национальными

интересами. Во-первых, подъем Китая происходит в однополярной системе, в которой доминируют Соединенные Штаты, а это означает, что Китай неизбежно столкнется с усилиями самой могущественной страны мира по сдерживанию Китая. Кроме того, другие крупные державы Азиатско-Тихоокеанского региона, такие как Индия и Япония, являются странами-союзниками США и поддерживают их в усилиях стратегического сдерживания Китая. Во-вторых, как развивающаяся держава на море и на суше Китай также противостоит многим своим соседям, включая средние и малые державы. По этой причине его взаимодействие как с великими державами, так и с соседними странами является элементами, которые формируют внешнеполитические интересы и поведение Китая (Danner, 2018).

Национальные интересы Китая также являются результатом стратегического взаимодействия. В этом контексте изменение национальных интересов Китая определяется не внутренними потребностями, но и межгосударственными отношениями, структурой международного порядка, стратегическими предпочтениями Китая и реакцией соседних стран на эти предпочтения. В этом контексте указывается на историческое разделение внешнеполитических интересов Китая на три качества: оборонительное (Китай, изолирующий себя от внешнего мира), конструктивное (Китай, интегрирующийся в глобальный мир) и агрессивный (Китай, который стремится изменить мир вне себя в соответствии со своими собственными интересами). (Ye, 2019, 88-100).

Каковы внешнеполитические намерения и интересы Китая и каково видение мирового порядка и его места в этом порядке? Фактором, определяющим текущую позицию Китая в международном порядке, являются его национальные интересы и его видение наиболее эффективных способов достижения этих интересов. С начала 2000-х годов Китай сосредоточил внимание на трех основных национальных интересах: безопасность, суверенитет и развитие.

Одна из основных функций китайского режима по предотвращению всех видов внутренних и внешних угроз интересам безопасности состоит из двух основных компонентов: национальная безопасность и обеспечение непрерывности политической системы. Приоритетом для китайского руководства является увековечение положение КПК как единственной политической силы. Поэтому любая попытка подорвать легитимность партии воспринимается как угроза. С 1970-х годов КПК постепенно отошла от прежнего акцента на социалистическую идеологию к пониманию экономического роста и «хорошего» управления как источника легитимности. Этот переход к подходу «легитимности, основанной на результатах» (Sorensen) начал заменять марксистскую идеологию и ленинскую политику, обоснованность которых ставится под сомнение (Mazarr, et al., 2018; Scobell, et al., 2020). В контексте суверенных интересов ключевым компонентом является обеспечение суверенитета над всей территории в пределах границ Китая и защита региональной целостности, включая морские и сухопутные границы. В контексте этой цели, которая описывается как постоянный национальный интерес, любая деятельность сепаратистских сил Тайваня, Восточного Туркестана и Тибета воспринимаются как угроза национальному единству и безопасности (Scobell, et al.). В контексте интереса к развитию ключевым компонентом является необходимость обеспечения доступа к природным ресурсам и рынкам, увеличение влияния и присутствия Китая в регионах, где расположены трубопроводы и маршруты стратегического значения, обеспечивающие доступ этих ресурсов на мировые рынки. Следовательно, возможная нестабильность в этих регионах представляет собой наиболее серьезную угрозу интересам Китая в области развития (Mazarr, et al.; Scobell, et al., 18-19).

Теория «перехода власти», разработанная в 1950-х годах А. Ф. К. Органским и предлагающая иной взгляд на вопросы войны и мира, сотрудничества или конфликта между великими державами, вышла на первый план в контексте дискуссий о том, какие изменения повлечет за собой феномен поднимающейся китайской мощи в структуре и принципах функционирования международной системы. Основываясь на теории перехода власти, основанной на представлении о том, что приближение возвышающейся силы к паритету (равенству) в отношении с установленной силой (гегемоном) непременно влечет за собой дестабилизацию международной системы с вероятностью военного столкновения, утверждается, что рост относительной мощи и влияния Китая в отношении США приведет к возражению против текущего международного порядка и к попыткам изменить правила, на которых зиждется данная система. В этом отношении существует предположение, что Пекин стремится изменить глобальное управление и преобразовать существующую международную систему в направлении более полного отражения его собственных

ценностей, интересов и растущей роли. По большому счету эта точка зрения совпадает с вышеуказанной обширной литературой, в которой подчеркивается, что растущая мощь возвышающегося Китая и, следовательно его растущие возражения против существующего порядка неизбежно приведут к силовому соперничеству с США, и что Китай не будет продолжать возвышаться мирным путем (Allison, 2017; Brzezinski, 2014; Mearsheimer, 2014).

Согласно теории перехода власти, если растущий Китай превзойдет нынешнюю доминирующую в системе державу, не требуя радикальных изменений в контексте структуры и норм международной системы, предотвращение столкновения великих держав будет возможным. Утверждается, что такая ситуация представляет собой сценарий перехода власти, который наблюдался ранее в истории международных отношений. Так США, которые достигли доминирующего положения в системе вместо Великобритании, возвышались не в результате войны, а вследствие стратегии растущей державы, занимающей «удовлетворенную» или не ревизионистскую позицию в контексте меняющегося международного порядка. При этом ревизионистская позиция возвышающейся Германии привела к двум великим войнам в мировой истории. Другими словами, изменение структуры международного порядка будет зависеть от консенсуса между восходящей и нисходящей державами относительно структуры и принципов функционирования порядка (Lemke & Lemke, 2003, 224; Shiffrin, 2018). Таким образом, согласно теории перехода власти, степень удовлетворенности возвышающегося Китая нынешним порядком, даже при условии максимальной приближения к потенциалу США, устранил вероятность столкновения великих держав в новом тысячелетии.

Заключение

Внешняя политика Китая и его стратегия подъема характеризуются совокупностью преобладания и изменений в континууме. В данной статье была предпринята попытка обосновать идею о том, что внешнеполитическая идентичность и поведение Китая, как возвышающейся силы, определяется его историческим прошлым. Как внутриполитический нарратив, так и внешнеполитическая стратегия глобального возвышения Китая, существующего и развивающегося «в тени своего прошлого», содержит множество ссылок на исторический опыт китайской нации, наиболее полно проецированных в концепции «китайской мечты», осуществление которой, как представляется, должно привести к «великому национальному возрождению» Китая и катаянской нации. В этом контексте традиция установления связи между внешнеполитическим поведением (и целями) Китая и его историей вновь обрела значимость.

Изложив в ретроспективном порядке процесс развития внешнеполитических подходов Китая с периода учреждения КНР вплоть до сегодняшнего дня, статья также предприняла попытку резюмировать существующие концептуальные подходы к теоретизации внешней политики и феномена глобального возвышения Китая, акцентируя внимание на дихотомии ревизионизма и приверженности статус-кво в отношении структуры мировой системы и разделяя существующие теоретические разработки на две категории: конвенциональное и эклектичное теоретизирование.

Ethical Declaration

In the writing process of the study titled *“Theorizing Chinese Foreign Policy: Conceptual Tenets in Historical Continuum”*, there were followed the scientific, ethical and the citation rules; was not made any falsification on the collected data and this study was not sent to any other academic media for evaluation. Since the document is examined in this study, there is no requirement for an ethics committee decision.

References

- Acharya, A., & Buzan, B. (2017). Why is there no non-western international relations theory? Ten years on. *International Relations of the Asia Pacific*, 17(3), 1-30.
- Allison, G., Robert D. Blackwill, Ali Wyne (2012). *The Grand Master's Insights on China, the United States, and the World*. Cambridge: The MIT Press.
- Allison, G. (2017). *Destined to war. Can America and China escape thucydides's trap?* New York: Houghton Mifflin Harcourt.
- Bekkevold, J. I. & Ross, R. S. (2016). Introduction. China's New Leadership in Domestic and International Politics. In R. S. Ross & J. I. Bekkevold (Eds.). *China in the Era of Xi Jinping. Domestic and Foreign Policy Challenges* (pp. 21-45). Washington, DC: Georgetown University Press.
- Bijian, Z. (2005) China's Peaceful Rise to Great-Power Status. *Foreign Affairs*. Retrieved from <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2005-09-01/chinas-peaceful-rise-great-power-status>

- Bo, Z. (2016). China's Fifth-Generation Leaders. Characteristics of the New Elite and Pathways to Leadership. In R. S. Ross & J. I. Bekkevold (Eds.). *China in the Era of Xi Jinping. Domestic and Foreign Policy Challenges* (pp. 47-118). Washington, DC: Georgetown University Press.
- Breslin, S. (2010). China's emerging global role: dissatisfied responsible great power, *Politics*, 30(1), 52-62.
- Brzezinski, Z. (1998). *The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books.
- Brzezinski, Z. (2014). Can China avoid the Thucydides trap? *New Perspectives Quarterly*, 31(2), 31-33.
- Buzan, B. (2001). The English School: An Underexploited Resource in IR. *Review of International Studies*, 27(3), 471-488.
- Buzan, B. (2004). *From International to World Society? English School Theory and the Social Structure of Globalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Buzan, B. (2010) China in International Society: Is 'Peaceful Rise' Possible? *The Chinese Journal of International Politics*, 3(1), 5-36
- Buzan B. (2014). The 'Standard of Civilisation' as an English School Concept. *Millennium*, 42(3), 576-594.
- Buzan, B. (2018). China's rise in English school perspective. *International Relations of the Asia-Pacific*. 1-28
- Callahan, W. (2005). How to understand China: the dangers and opportunities of being a rising power. *Review of International Studies*, 31, 701-714.
- Christensen, T. (2016). *The China Challenge: Shaping the Choices of a Rising Power*, New York: W. W. Norton.
- Danner, L. (2018). *China's Grand Strategy Contradictory Foreign Policy?* London: Palgrave Macmillan
- Dian, M. & Menegazzi, S. (Eds.) (2018). *New Regional Initiatives in China's Foreign Policy. The Incoming Pluralism of Global Governance*. London: Palgrave Macmillan.
- Dunne, T. (1998). *Inventing International Society: A History of the English School*. Houndmills: Palgrave
- Etzioni A. (2016). How aggressive is China? *The Korean Journal of International Studies*, 14(2), 291-307.
- Fallon, T. (2014). China's pivot to Europe. *American Foreign Policy Interests*, 36(3), 175-182.
- Fallon, T. (2015). The New Silk Road: Xi Jinping's Grand Strategy for Eurasia, *American Foreign Policy Interests*, 37(3), 140-147.
- Feng Zhu & Peng Lu (2015). Be strong and be good? Continuity and change in China's international strategy under Xi Jinping. *China Quarterly of International Strategic Studies*, 1(1), 19-34.
- Fingar, T. (Ed.) (2016). *The New Great Game. China and South and Central Asia in the age of Reform*. Stanford: Stanford University Press.
- Fairbank, J. K., (1969). China Foreign Policy in Historical Perspective," *Foreign Affairs*. Retrieved from <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1969-04-01/chinas-foreign-policy-historical-perspective>
- Fairbank, J. K. (Ed.) (1968). *The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations*. Cambridge: Harvard University Press.
- Foulon, M. (2015). Neoclassical Realism: Challengers and Bridging Identities. *International Studies Review*, 17, 635-661
- Fravel, M. (2010). International Relations Theory and China's Rise: Assessing China's Potential for Territorial Expansion. *International Studies Review*, 12, 505-532.
- Fukuyama, F. (2016). Reflections on Chinese governance. *Journal of Chinese Governance*, 1(3), 379-391.
- Garver, J. W. (2016). *China's Quest: The History of the Foreign Policy of the People's Republic of China*, New York: Oxford University Press.
- Hopf, T., Bentley, A. (Eds.) (2016). *Making identity count: building a national identity database*. Oxford: Oxford University Press.
- Hopf, T. (2009). Identity relations and the Sino-Soviet split. In A. R., Herrera & R. McDermott (Eds.). *Measuring Identity* (pp. 279-315) Cambridge: Cambridge University Press.
- Ikenberry, J. (2008). The Rise of China and the Future of the West: Can the Liberal System Survive? *Foreign Affairs*, 87 (1), 23-37.
- Jacques, M. (2012). *When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order*. Penguin Books.
- Johnston, A. (2007). *Social States: China in International Institutions, 1980-2000*. Princeton: Princeton University Press.
- Jones, L. & Zeng, J. (2019). Understanding China's 'Belt and Road Initiative': beyond 'grand strategy' to a state transformation analysis, *Third World Quarterly*, 40(8), 1415-1439.
- Katzenstein, P. & Sil, R. (2008). Eclectic Theorizing in the Study and Practice of International Relations. In C. Reus-Smit & D. Snidal (Eds.), *The Oxford Handbook of International Relations* (pp. 109-130). Oxford: Oxford University Press.
- Kang, D. (2010). *East Asia before the West: Five Centuries of Trade and Tribute*. New York: Columbia University Press.
- Kang, Y., Lu, S. & E. D. Brown (2008), Chinese Corporate Governance: History and Institutional Framework. Santa Monica, CA: RAND Corporation. Retrieved from https://www.rand.org/pubs/technical_reports/TR618.html.
- Kim, S. (2006). Chinese Foreign Policy Faces Globalization Challenges. In A. I. Johnston & R. S., Ross (Eds.) (2006), *New Directions in the Study of China's Foreign Policy* (pp. 276-308). California: Stanford University Press.
- Kissinger, H. (2012). *On China*. New York: Penguin Books.
- Kim, W. & Gates, S. (2015). Power transition theory and the rise of China. *International Area Studies Review*, 18(3), 219-226.

- Kugler, J. & Organski, A. F. K. (1989). The Power Transition: A Retrospective and Prospective Evaluation. In M. Midlarsky (Ed.), *The Handbook of War Studies* (pp. 171-194). Boston, MA: Unwin Hyman.
- Kirshner, J. (2010). The tragedy of offensive realism: Classical realism and the rise of China. *European Journal of International Relations*, 18(1), 53-75.
- Kai, H. & Huiyun, F. (2013), Xi Jinping's operational code beliefs and China's foreign policy, *The Chinese Journal of International Politics*, 6(3), 209-231.
- Legro, J. (2007). What China Will Want: The Future Intentions of a Rising Power. *Perspectives on Politics*, 5(3), 515-534.
- Lemke, D. & Lemke, D. (2003) Power Transition Theory and the Rise of China, *International Interactions: Empirical and Theoretical Research in International Relations*, 29(4), 269-271.
- Lemke, D. & Werner, S. (1996). Power Parity, Commitment to Change, and War. *International Studies Quarterly*, 40(2), 235-260.
- Lew, C. & Leung, P. (Eds.) (2013). *Historical Dictionary of the Chinese Civil War*. Lanham, Maryland: The Scarecrow Press, Inc.
- Lukin, A. (2020). The Russia–China entente and its future. *Int Polit.* <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00251-7>
- Mahbubani, K. (2018). *Has the West Lost It? A Provocation*. Allen Lane.
- Mahbubani, K. (2020). *Has China Won? The Chinese Challenge to American Primacy*. Public Affairs.
- Mazarr, M., Timothy R. Heath, and Astrid Stuth Cevallos, (2018) China and the International Order. Santa Monica, CA: RAND Corporation. Retrieved from https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2423.html
- Mearsheimer, J. (2014) Can China Rise Peacefully? *The National Interest*. Retrieved from <https://nationalinterest.org/commentary/can-china-rise-peacefully-10204>
- Mearsheimer, J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*. W. W. Norton & Company.
- Mearsheimer, J. (2016). Benign hegemony. *International Studies Review*, 18 (1), 147– 149.
- Mearsheimer, J. (2018). *The great delusion: liberal dreams and international realities*. New Haven and London: Yale University Press.
- Mearsheimer, J. (2019). Bound to fail the rise and fall of the liberal international order. *International Security*, 43 (4), 7-50.
- Miller, T. (2019). *China's Asian Dream: Empire Building Along the New Silk Road*. London: Zed Books.
- Nathan, A. (2016). China's Rise and International Regimes: Does China Seek to Overthrow Global Norms? In R. S. Ross & J. I. Bekkevold (Eds.). *China in the Era of Xi Jinping. Domestic and Foreign Policy Challenges* (pp. 449-525). Washington, DC: Georgetown University Press.
- Nye, J. (2010). The future of American power: dominance and decline in perspective. *Foreign Affairs*, 89(6), 2-12.
- Olimat, M. (2010). Playing by the rules? Sino-Middle Eastern relations. In S. Breslin (Ed.) (2010) *Handbook of China's International Relations* (pp. 177-187). London & New York: Routledge.
- Organski, A. F. K. (1958). *World Politics*. New York: Alfred A. Knopf.
- Pan, C. (2014). Rethinking Chinese Power: A Conceptual Corrective to the 'Power Shift' Narrative. *Asian Perspective*, 38 (3), 387-410.
- Pan, C., Kavalski, E. (2018). Theorizing China's rise in and beyond international relations. *International Relations of the Asia-Pacific*, 18 (3), 289–311.
- Pan, Z., Chen Z. (2013) Peaceful Rise, Multipolarity, and China's Foreign Policy Line. In Inoguchi T., Ikenberry G.J. (Eds.) *The Troubled Triangle. Asia Today* (pp. 63-86). Palgrave Macmillan, New York.
- Peter, F. (2016). Westward ho - The China Dream and "One Belt One Road": Chinese Foreign Policy Under Xi Jinping. *International Affairs*, 92(4), 941-957.
- Peters, M. (2017) The Chinese Dream: Xi Jinping thought on Socialism with Chinese characteristics for a new era, *Educational Philosophy and Theory*, 49(14), 1299-1304.
- Pillsbury, M. (2015). *The Hundred Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower*, New York: Henry Holt & Co.
- Rathbun, B. (2008) A Rose by Any Other Name: Neoclassical Realism as the Logical and Necessary Extension of Structural Realism. *Security Studies*, 17(1), 294-321.
- Rolland, N. (2017). China's 'Belt and Road Initiative': Underwhelming or Game-Changer? *The Washington Quarterly*, 40 (1), 127-142.
- Rose, G. (1998) Review: Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy. *World Politics*, 51(1), 144-172.
- Roett, R. (2010). China's deepening ties with Latin America: a work in progress. In S. Breslin (Ed.) *Handbook of China's International Relations* (pp. 200-208). London and New York: Routledge.
- Suettinger, R. (2004). The Rise and Descent of "Peaceful Rise". Retrieved from <https://www.hoover.org/research/rise-and-descent-peaceful-rise>
- Shambaugh, D. (2005). The Rise of China and Asia's New Dynamics. In D. Shambaugh, (Ed.) *Power Shift. China and Asia's New Dynamics* (pp. 1-20). Berkeley: University of California Press.
- Shambaugh, D. (2014) *The Illusion of Chinese Power*. Brookings Institution. Retrieved from <https://www.brookings.edu/opinions/the-illusion-of-chinese-power/>
- Shambaugh, D. (2013). *China Goes Global. The Partial Power*. New York: Oxford University Press.
- Shambaugh, D. (2016). *China's future*. Cambridge: Polity Press.
- Scobell, A., Edmund J., Cortez, A. Cooper, I., Sale, L., Chad, J. R., Ohlandt, E. (2020). *China's Grand Strategy. Trends, Trajectories, and Long-Term Competition*. RAND Corporation, Santa Monica, California.

- Scobell, A. (2020) Something Old, Something New Continuity and Change in China's Foreign Policy. RAND Corporation. Retrieved from <https://www.rand.org/pubs/testimonies/CTA774-1.html>
- Swaine, M. (2016) Chinese Views on Global Governance Since 2008–2009: Not Much New, *China Leadership Monitor*, Retrieved from <https://carnegieendowment.org/2016/02/08/chinese-views-on-global-governance-since-2008-9-not-much-new-pub-62697>
- Swaine, M. (2010), Perceptions of an Assertive China. *China Leadership Monitor*, 32 (1).
- Shiffrinson, I. (2018). *Rising Titans, Falling Giants. How Great Powers Exploit Power Shifts*. Ithaca and London: Cornell University Press.
- Sorensen, C. (2013). Is China Becoming More Aggressive? A Neoclassical Realist Analysis. *Asian Perspective*, 37 (3), 363-385.
- Shaohua, H. (2006), Revisiting Chinese Pacifism. *Asian Affairs*, 32(4), 256-278.
- Taliaferro, J. W. (2009). Neoclassical Realism and Resource Extraction: State Building for Future War. In S. Lobell, N. Ripsman, & J. Taliaferro (Eds.) *Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy* (pp. 464-495). New York: Cambridge University Press.
- Taylor, I. (2010). A challenge to the global liberal order? The growing Chinese relationship with Africa. In S. Breslin (Ed.) *Handbook of China's International Relations* (pp. 187-199). London and New York: Routledge
- Torbakov, I. (2015). Managing Imperial Peripheries: Russia and China in Central Asia. In T. Fingar (Ed.) *The New Great Game. China and South and South and Central Asia in the age of Reform* (pp. 646-729). Stanford: Stanford University Press.
- Vucetic, A., Hopf, T. (2018). The distribution of identity and the future of international order: China's hegemonic prospects. *International Organization*, 72 (4), 839-869.
- Yan, X. (2014). From keeping a low profile to striving for achievement, *The Chinese Journal of International Politics*. 7(2), 153-184.
- Ye, X. (2019). Rediscovering the Transition in China's National Interest: A Neoclassical Realist Approach. *Journal of Current Chinese Affairs*, 48(1), 76–105.
- Yilmaz, S. (2015) China's Foreign Policy and Critical Theory of International Relations. *Journal of Chinese Political Science*. DOI 10.1007/s11366-015-9357-z
- Wohlforth, W. (1993). *The Elusive Balance: Power and Perceptions During the Cold War*. Ithaca: Cornell University Press.
- Waever, O. (1996) The Rise and Fall of the Inter-Paradigm Debate. In S. Smith, K. Booth, & M. Zalewski (Eds.). *International Theory: Positivism and Beyond* (pp 149-185). Cambridge: Cambridge University Press.
- Wen, J. (2004). Carrying Forward the Five Principles of Peaceful Coexistence in the Promotion of Peace and Development. Speech by Premier of the State Council of the People's Republic of China at Rally Commemorating the 50th Anniversary of The Five Principles of Peaceful Coexistence. Retrieved from <http://tr.china-embassy.org/eng/xwdt/t140777.htm>
- Xuetong, Y. (2013). Pre-Qin Philosophical Thought and China's Rise Today. In Y. Xuetong (Ed.). *Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power* (pp. 199-221). Princeton University Press.
- Zhang, D. (2018). The Concept of Community of Common Destiny in China's Diplomacy: Meaning, Motives and Implications. *Asia and the Pacific Policy Studies*, 5 (2), 196-207.
- Zhang, F. (2009). Rethinking the 'Tribute System': Broadening the Conceptual Horizon of Historical East Asian Politics. *Chinese Journal of International Politics*, 2 (4), 545–574.
- Zhu, Z. (2013). Foreign Policy of the People's Republic of China. In R. K. Beasley, J. Kaarbo, J. S. Lantis, and M. T. Snarr (Eds.) *Foreign Policy in Comparative Perspective Domestic and International Influences on State Behavior* (pp. 118-137). Los Angeles: CQ Press.
- Бычкова Т. А. (2014). *Страны Азии на пути от традиционного общества к индустриальному (XVII – начало XX в.)*. [Asian countries on the way from traditional to industrial societies (17 - early 20 century).] Томск: Издательский Дом Томского государственного университета.
- Грачиков, Е. Н. (2015). *Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей* [China's geopolitics: egocentrism and the space of networks]. Москва: Издательство «Русайнс».
- Иванов, С. А. (2016). Почему коммунистический режим в Китае пережил 1989 г.? *Россия и АТР*, 1(1), 49-65.
- Лукьянов, Ф. (May 2020). Химера, Олицетворяющая Глобализацию [Chimera Embodying Globalization] *Россия в Глобальной Политике*. Retrieved from <https://globalaffairs.ru/articles/himera-globalizacziya/>

EXTENDED ABSTRACT

The end of the Cold War and the collapse of the bipolar system of international relations resulted in a “unipolar moment” for the US as a single dominant power in the international system. However, in a relatively short period of time China as an emerging power ascended to a status of a rising power that became able to fill the power vacuum in the system. Currently, the growing presence and influence of a rising China which managed to move from the periphery of the international system to its center is evidently felt across the globe and in every dynamic of changing international relations. Accordingly, the focal point of the IR studies which have over the past thirty years been absorbed by measuring the degree and mechanisms of the international system's impact on China shifted its analytical attention toward an

understanding of how China influences the system. However, to propose a comprehensive account of the essence of the Chinese foreign policy approach and foundational pillars of its global rise we should proceed not only from the current changing aspects of international relations but also resort to a retrospective analysis of Chinese foreign policy per se with a particular focus on the continuum of elements of constancy and change in policy approaches. Thus, the factor of history embodies an inherent characteristic of Chinese foreign policy doctrines and conceptual provisions that emerged in different periods of its historical evolution.

In other words, a major factor that indelibly influences China's foreign policy vision and behavior, as well as the ideational structure of Chinese self-perception is the factor of the past. Since the proclamation of the PRC in 1949, Chinese foreign policy has undergone significant transformations under the influence of both external and internal factors. As part of this transformation, China's foreign policy orientation and the conceptual approach has also undergone recurring revisions. Within each period of the historical evolution of China's foreign policy, its strategic approach, conceptual underpinnings, foreign policy priorities, and the vision of the international order changed in accordance with both internal and external (global and regional) variables.

This paper is an attempt to examine the historical evolution and transformation of China's foreign policy approaches, to discuss major periods of this transformation and most important provisions of the foreign policy doctrine developed within each stage. Premised on this the paper also seeks to address the projection of the main ideas and principles on the current process of China's rise with deep-rooted regional and global consequences. By retrospectively analyzing the foreign policy of China as a rising power (or as Henry Kissinger accurately put it, as a returning power) this paper tries to substantiate the idea that China's foreign policy identity and the fundamental nature of its behavior are determined by its historical past metaphorically defined as a shadow or tyranny of the past. In other words, the main notion put forward by the authors of the paper is that China's vision of the world and its place in it, as well as the entire structure of its external actorness, evolves under the influence of its history. Both the domestic political narrative and the foreign policy strategy contain numerous references to the historical experience of the Chinese nation. The most obvious manifestation of such appeal to history in China's foreign policy and its global strategy is a frequent reference to the historical experience of the "century of humiliation" in foreign policy doctrine as a whole and within Xi Jinping's concept of the "Chinese dream" in particular. Furthermore, China's global strategy which rests on this idea of the Chinese dream is believed to lead to the "great rejuvenation of the Chinese nation".

By outlining the evolution of China's foreign policy approaches in a retrospective manner this paper has also tried to summarize the existing conceptual accounts of Chinese foreign policy and the phenomenon of China's global rise. In terms of theoretical and methodological framework the paper is premised on the assertion that in consequence of the insufficiency and limited explanatory power of traditional theories of international relations there is a need for synthesizing, inter-paradigmatic and eclectic approaches in accounting for the phenomena of China's global rise and understanding its foreign policy vision. In this regard, the paper's effort to theorize China's foreign policy is carried out both within the framework of conventional theories of international relations (neorealism, neoliberalism, constructivism) and eclectic approaches (power transition theory, the English school of international relations theory (liberal realism) and neoclassical realism), which can initiate new discussions around the essence of power and its transformation. By differentiating existing theoretical approaches into conventional and eclectic theorizing paper specifically focuses on the dichotomy of "revisionism" and "adherence to the status quo" in relation to the existing structure and principles of the international system. It emphasizes that the global presence and impact of China as well as its attitude toward the structure and norms of the existing international order is conceptualized in the range of "China perceptions" oscillating between two extremes: "China as a threat" and "China as an opportunity".